

Мин Е, глядя на лицо Жун Цзяня, невольно улыбнулся:

— Я буду диктовать, а вы, ваше высочество, записывайте.

Жун Цзянь смущённо кивнул. Хотя изначально он тоже так думал, но что-то пошло не так, и теперь всё вернулось в нужное русло.

Иначе даже если Мин Е объяснит, как правильно начать тему и какие цитаты использовать, для его скудных навыков составления классических текстов это всё равно будет огромной работой.

Жун Цзянь обмакнул кисть в чернила и начал писать на чистом листе бумаги.

Мин Е говорил в умеренном темпе, диктуя предложение за предложением.

Однако Жун Цзянь плохо разбирался в традиционных иероглифах, и когда писал сам, старался использовать знакомые знаки, но те, что диктовал Мин Е, были для него слишком сложными.

В результате, написав какое-то время, он ошибся и пришлось начинать заново.

Жун Цзянь немного упал духом, упёрся подбородком в стол и медленно спросил:

— Ты не думаешь, что я глупый?

Мин Е посмотрел на то, что он написал. В тексте было несколько странных иероглифов, будто в них не хватало черт, но по форме можно было догадаться, что они означали. В предыдущих записях Жун Цзянь тоже писал такие вещи. Однако в работах, которые он сдавал учителю, он был очень внимателен и старателен, и таких ошибок не было.

Мин Е поднял взгляд и увидел, что Жун Цзянь наклонился над столом, его длинные серьги свисали с края стола, покачиваясь от его движений.

Мин Е сказал:

— Как можно, ваше высочество, вы просто неопытны.

Жун Цзянь всё ещё не поднялся. Иногда он забывал, что сейчас он не старшеклассник, который усердно учится, а переодетый мужчина в женской одежде.

И действительно, в какой-то момент серьга зацепилась за его мочку уха, и ему стало больно. Он сморщился и вскрикнул:

— Ай!

При свете лампы серьги сверкали, словно притягивая к себе.

Мин Е тоже невольно заинтересовался и спросил:

— Хотите, я сниму серьги с вашего уха?

Жун Цзянь наконец поднялся. Он задумался, кивнул, а потом предупредил:

— Только будь осторожен, мне немного больно.

Тот, кто не носит серёг, не поймёт этой боли.

Мин Е встал, подошёл к Жун Цзяню, наклонился. Его руки были холодными, и когда он коснулся мочки уха Жун Цзяня, тот невольно вздрогнул и хотел отстраниться.

Больше никаких ощущений не было.

Голос Мин Е раздался у него в ухе:

— Готово.

Жун Цзянь повернул голову и увидел, что Мин Е стоит рядом, а серьга лежит в его ладони.

Он уже хотел поблагодарить, как вдруг услышал, как тётушка Чжоу громко произнесла:

— Мамаша Чэнь, как это вы так поздно пришли во Дворец Чанлэ?

После некоторой суматохи шаги становились всё ближе, казалось, что вот-вот ворвутся в комнату.

Жун Цзянь в панике закричал:

— Конец, конец!

Почему мамаша Чэнь вдруг пришла и ведёт себя как грабитель.

Он был как муравей на горячей сковороде, думая, что в таких больших покоях Дворца Чанлэ нет места, где можно спрятать человека, это действительно красиво, но бесполезно.

Мин Е же просто наблюдал. Жун Цзянь, похоже, забыл, что их обычный способ встречи — через окно, Мин Е мог запрыгнуть на дерево. Но Жун Цзянь мыслил как современный человек, и сейчас, когда окна и двери были закрыты, он был в панике, думая, как спрятать такого большого человека, как Мин Е.

Шкаф был большим, но разделён на множество отсеков.

Шаги становились всё ближе, всё быстрее.

Жун Цзянь увидел свою кровать и, наконец, очнулся, схватил Мин Е и толкнул его на кровать, накрыв одеялом.

Мин Е тоже когда-то оказывался в такой ситуации.

В этот момент это было похоже на то, как старшеклассник тайно встречается дома, и вдруг родители возвращаются из командировки, и нет выхода, и он думает, как обмануть их. Или как благородная девица тайно встречается с учёным в своих покоях, и вдруг врываются служанки. Мысли Жун Цзяня смешались, он думал, что всё это за ерунда, в такой момент у него столько беспорядочных мыслей.

Они с Мин Е были чисто в учительско-ученических отношениях!

Жун Цзянь снял занавески с крючков и предупредил:

— Ты, ни в коем случае не говори и не издавай звуков.

Когда занавески отделили внутреннюю часть кровати от внешней, Мин Е наконец ощутил, что его действительно спрятал Жун Цзянь.

Он не смог сдержать улыбку.

Он лежал на месте, не двигаясь, и вокруг него витал сладкий аромат османтуса.

Кровать Жун Цзяня была действительно мягкой, Мин Е никогда не спал на такой мягкой кровати.

Закончив с самым важным делом, Жун Цзянь слегка кашлянул, прочистил горло и, сделав вид, что ничего не произошло, вернулся к мягкому ложу.

Мамаша Чэнь и её спутники, похоже, остановились у дверей покоев. Она строго сказала:

— Ваше высочество, я прибыла по приказу вдовствующей императрицы, прошу вас принять указ.

Жун Цзянь тихо сказал:

— Войдите.

Мамаша Чэнь вошла, за ней последовали несколько мамаш и тётушек, все они вошли, создавая большой шум, поэтому тётушка Чжоу так испугалась, что едва смогла их остановить.

Жун Цзянь даже не взглянул на них, просто спросил:

— Что случилось? Что за срочное дело заставило мамаш врываться во Дворец Чанлэ ночью?

Мамаша Чэнь почтительно ответила:

— Мы не осмелились бы врываться. Но мы действуем по приказу, и поскольку в ваших покоях ещё горит свет, нам пришлось так поступить.

Она посмотрела на Жун Цзяня, и увидела, что эта принцесса была небрежно одета, волосы растрёпаны, и её поведение не соответствовало этикету настоящей императорской принцессы. На её лице появилась лёгкая улыбка, но в словах не было особой вежливости:

— Ваше высочество, хотя вы и принадлежите к императорской семье, вы также представляете лицо империи, и вас почитают подданные. Вдовствующая императрица считает, что в последнее время вы слишком расслабились, и вам нужно заново изучить этикет.

Мамаша Чэнь, конечно, не могла просто так прийти во Дворец Чанлэ без причины, она действовала по приказу вдовствующей императрицы.

После того как Сюй Яо быстро появился во дворце, вдовствующая императрица вела себя довольно снисходительно, отменила его переписывание сутр и ежедневный этикет, и мамаша Чэнь тоже перестала приходить, но всё это было для того, чтобы у Жун Цзяня было больше свободного времени, чтобы он мог больше «общаться» с Сюй Яо.

А сегодняшний инцидент, независимо от того, намеренно или нет, но он сильно ударил по репутации вдовствующей императрицы, император воспользовался этим, чтобы высмеять её, внешне выражая почтение, но на самом деле издеваясь. И в будущем она больше не сможет приглашать членов семьи Сюй в Шанцзин для брака с Жун Цзянем, ведь теперь есть один

мятежник.

Вернувшись во Дворец Цынин, вдовствующая императрица немного помолилась Будде, позвала мамашу Чэнь и других служанок и сказала, что нужно преподать урок этой внучке.

Даже если она принцесса, она всё равно в её власти.

Мамаша Чэнь продолжила:

— Ваше высочество, вы уже легли спать? Вдовствующая императрица сказала, что женщины днём должны служить родителям и старшим братьям, а ночью заниматься рукоделием. Ваше высочество, как пример для подданных, должны...

Жун Цзянь уже устал слушать, он прервал мамашу Чэнь:

— Покои не место для разговоров, мамаша, если у вас так много слов, давайте пойдём в другую комнату.

Мамаша Чэнь была удивлена, она почувствовала, что Жун Цзянь изменился. Раньше, сколько бы она ни говорила, из уважения к вдовствующей императрице принцесса никогда не перечила. И хотя Жун Цзянь сидел на мягком ложе, а она стояла перед ним, казалось, что он смотрел на неё свысока.

Она поклонилась:

— Если ваше высочество так сказали, я не смею ослушаться.

Тётушка Чжоу тоже вошла и встала рядом с Жун Цзянем.

Перед тем как уйти, Жун Цзянь взял одну из серёг со стола, сжал в руке, накинул одежду и вышел в другую комнату.

Было уже за полночь, и Дворец Чанлэ был ярко освещён.

Мамаша Чэнь стояла рядом с Жун Цзянем и чётко произнесла:

— Вдовствующая императрица приказала, чтобы ваше высочество сегодня переписали два свитка сутр, и завтра утром преподнесли их в дар покойному императору и наследному принцу, чтобы выразить почтение.

Тётушка Чжоу не выдержала и сказала:

— Уже так поздно, ваше высочество...

Жун Цзянь поднял левую руку, между пальцев свисала серьга с вставками из нефрита, которая делала его кожу ещё белее, а движения казались ещё более изящными:

— Я всегда знал, что мамаша Чэнь — близкий человек моей бабушки, и этот указ, должно быть, имеет скрытый смысл. Давайте отошлём всех, и мамаша объяснит мне всё лично.

Мамаша Чэнь сначала хотела отказаться, но услышала, как Жун Цзянь тихо сказал, так, что только она и тётушка Чжоу могли слышать.

Он сказал:

— Мамаша, послушайте меня, это будет полезно.

Он говорил так медленно, будто это не было угрозой, но в его словах было что-то, что заставило мамашу Чэнь сильно забиться сердце.

Мамаша Чэнь была вынуждена отпустить остальных, она была доверенным лицом вдовствующей императрицы, и другие мамы тоже поклонились и ушли.

<http://bllate.org/book/16310/1471592>